

Цзюнь Чи обосновался в выделенном ему уединенном дворике. Нужды в пище он не испытывал — давно достиг стадии бигу, полностью отказавшись от мирской еды.

Обитель школы Даньцянъ слыла пределом мечтаний для множества практиков, и теперь становилось ясно почему. Цзюнь Чи обошел свои новые владения: обустройство оказалось выше всяких похвал. На двор были наложены мощные запреты — никто, кроме самого хозяина или управляющего, не мог переступить порог и потревожить покой жильца. В комнате для медитаций располагался массив, собирающий духовную энергию. Долина Цинпин и без того славилась ее изобилием, но внутри круга плотность силы становилась почти осязаемой. Стены украшали свитки, дарующие ясность ума и помогающие сосредоточиться, а в углах стояли изящные кадки с растениями, чей вид улаждал взор.

Цзюнь Чи впервые занимал столь роскошные покои. Даже в главной ветви клана Лю простые управленцы не могли рассчитывать на подобный прием.

Впрочем, благородное убранство не принесло ему облегчения. Мысли о Цзюнь Яне терзали душу, едва не толкая на путь безумия. Демон сердца, свивший гнездо в его груди, пробуждал магическое ядро; темная энергия рвалась наружу, стремясь подчинить разум. Глаза Цзюнь Чи затопила беспросветная тьма. Лишь благодаря обилию защитных амулетов и благовоний в комнате ему удавалось сохранять остатки самообладания.

Опустившись на расшитую подушку в центре массива, он прикрыл глаза. Пять стихий бурным потоком хлынули в меридианы, устремляясь к дантяню. Постепенно сознание прояснилось.

«Раз Нин Фэн обмолвился, будто брат скучает по мне, значит, душа Цзюнь Яня всё еще томится в его теле», — горькая догадка обожгла сердце, словно удар клинка.

На следующее утро управляющий назначил сбор в главном зале. Цзюнь Чи явился вовремя, не желая давать повода для лишних толков.

В зале, среди многочисленных циновок, возвышалось изображение основателя школы Даньцянъ. Стены украшали парные надписи, излагающие каноны самосовершенствования. Слухи о том, что Цзюнь Чи разгневал Бессмертного владыку Нин Фэна, уже разошлись среди учеников. Его встретили холодно: никто не желал садиться рядом, боясь навлечь на себя опалу. Лишь Цяо Шиюнь без колебаний опустилась на соседнюю подушку.

Цзюнь Чи взглянул на нее с легким удивлением. Он считал ее излишне услужливой девицей, умеющей ловко подбирать ключи к сердцам окружающих. Раз она сумела сблизиться с ним, то и с остальными поладила бы без труда. Но в час всеобщего презрения она предпочла остаться рядом.

«Легко льстить победителю, но мало кто отважится поддержать того, кто оказался в немилости», — мелькнуло в голове у Цзюнь Чи. Он невольно почувствовал искреннюю благодарность.

Цзюнь Чи едва заметно кивнул ей. Цяо Шиюнь прошептала, склонившись к его уху:

— Все решили, будто твои вчерашние слова оскорбили владыку Нин Фэна, вот и сторонятся. Не бери в голову. Со временем они поймут: устав нашей школы зиждется на взаимном уважении и помощи братьев по оружию.

Хотя слова ее звучали высокопарно, в них чувствовалась зрелость. Сила любого клана — в его единстве; лишь поддерживая друг друга, практики могут вознестись к вершинам.

— Благодарю, — негромко ответил Цзюнь Чи.

Вскоре появился управляющий Лу. Собрание началось с поклона основателю. Каждому раздали нефритовые жетоны с правилами школы; тем же, кто еще не обрел базу самосовершенствования, вручили обычные свитки. Закончив с формальностями, Лу перешел к насущным делам.

Первые десять дней наставления будет давать один из прославленных старейшин внешней школы. В остальное время ученики предоставлены сами себе. Те, кто жаждет наград и ресурсов, должны выполнять задания школы, зарабатывая очки вклада. Новичкам, разумеется, сложные миссии не под силу, так что их уделом на первых порах станут простые хлопоты: охрана ворот, уборка дворов или доставка писем.

— Также за каждым из вас закреплен старший наставник из числа опытных адептов, — добавил Лу. — Для них это тоже задание. Если возникнут вопросы — обращайтесь к ним без стеснения.

Новобранцы оживились. Наличие проводника не только помогало освоиться, но и давало шанс завести полезные знакомства среди старших учеников, а то и найти покровителя.

— Школа дает вам почву и воду, но какими вы вырастете — зависит только от вашего усердия, — продолжал управляющий. — Медленный рост не беда. Главное — не искривиться в самом начале. Иначе вместо пути к небесам вы угодите в канаву.

Он не метил ни в кого конкретно — это было привычное напутствие, которое он повторял из года в год. Однако на этот раз его взгляд невольно задержался на Цзюнь Чи. Остальные тоже обернулись, будто видя в нем то самое «кривое дерево».

Будучи на поздней стадии Зарождающейся Души, Цзюнь Чи по силе намного превосходил управляющего, едва достигшего середины Золотого Ядра. Он сидел невозмутимо, словно скала, не выказав ни капли смущения. Видя такое равнодушие, любопытные быстро потеряли к нему интерес.

Затем наступил черед проверки: измерение духовных корней и определение уровня развития.

Каждый по очереди подходил к портрету основателя и возлагал руку на магическую сферу. К управляющему Лу присоединился степенный старейшина внешней школы. Этот человек обладал наметанным глазом: по отклику сферы он безошибочно определял не только таланты ученика, но и технику, которую тот практиковал ранее.

Среди новоприбывших выделялись Бай Цзянь и Кун Сю — выходцы из знатных домов с великолепными корнями. Остальные были либо талантливыми вольными практиками, либо чистыми листами без малейшего опыта.

Старейшина заносил данные в жетоны, порой давая краткие советы. Когда подошла очередь Цяо Шиюнь, он удивленно приподнял бровь:

— Редкий дар — чистый корень воды. Весьма любопытно.

Девушка ответила парой скромных фраз.

Цзюнь Чи вышел последним. Он задействовал технику сокрытия, которой его обучил Лэ Ли — она не только прятала истинный уровень сил, но и надежно маскировала остатки демонической ауры, что просочилась накануне.

Возложив ладонь на сферу, Цзюнь Чи невольно подумал: «Словно гадание на кристальном шаре. Но не кощунство ли — вертеть эту штуку прямо перед ликом основателя?»

Старейшина бросил взгляд на сферу и, продолжая записывать, равнодушно бросил:

— Пять корней. Полный набор.

Зал наполнился шепотком. Многие старшие ученики пришли поглазеть на пополнение, и теперь в воздухе повисло недоумение. Предыдущие тесты выявили несколько обладателей Небесных корней, большинство имели два или три корня. Но «мусорный» дар пяти стихий был редкостью даже для внешнего круга. Все гадали, как человек с такими задатками вообще прошел отбор.

Обычно практики с плохими корнями отсеивались еще на мосту, не выдерживая напора морского ветра, так что в Даньцзянь попадали только одаренные. И вдруг — пятое место в общем зачете занимает обладатель пяти корней.

Заметив косые взгляды, управляющий Лу прервал тишину:

— Не впадайте в заблуждение, считая, что Небесный корень — залог успеха. Забыли, что сам владыка Нин Фэн обладает пятью корнями? А истинный владыка Чан Е — четырьмя? В нашей школе неустанно твердят: корни не преграда. Да, с одним корнем проще набрать скорость в начале, но это лишь сиюминутная выгода.

Он обвел присутствующих строгим взглядом:

— Постигание Дао не зависит от врожденных талантов. Любой, кто чувствует дыхание мира, способен дойти до конца. В древних хрониках описаны те, кто вовсе не имел корней, но вознесся к бессмертию. Сейчас развелось слишком много методик и коротких путей. Все ищут проторенных троп и молятся на чистоту корней. Но, как говорит владыка Нин Фэн, у каждого свой путь. Тот, кто лишь слепо повторяет чужие шаги, застрянет на стадии Трансформации Духа. Истинное величие рождается из уникального понимания мира. Корни — это не оковы.

Старшие адепты слушали с привычным скепсисом, а новички — с недоверием, хоть и с любопытством. Лу вздохнул:

— Сам я обладаю четырьмя корнями. Раньше мой прогресс был ничтожен, и я почти отчаялся, решив доживать свой век здесь, на пике Цинпин. Тогда я был лишь простым служкой на стадии Формирования Начала. Но наставление владыки Нин Фэна, которое я только что повторил вам, открыло мне глаза. Я отпустил свои страхи и вскоре совершил прорыв, достигнув Золотого Ядра. Пусть я выгляжу стариком, но впереди у меня еще пять сотен лет. Я иду тропой циклов жизни и смерти, и юный лик мне ни к чему. Уверен, я увижу конец пути многих из вас. В миру говорят, будто владыка Нин Фэн наделен телом небожителя, и один взгляд на него равен постижению Дао.

Он повернулся к новичкам:

— Вчера вы видели его. Есть ли у вас какие-то чувства на этот счет?

Ученики переглядывались. Большинство помнили лишь ошеломляющую красоту, от которой мысли путались в голове. Одна из учениц, густо покраснев, пролепетала:

— Владыка Нин Фэн так прекрасен... Слово само сияние бессмертного пути.

Окружающие закатили глаза, мысленно обозвав девицу влюбленной дурой. Но Лу лишь кивнул:

— Ты не первая, кто так говорит. Признаться, я и сам до конца не понял, что значит «видеть Дао в его лице», но каждый раз, созерцая лик владыки, я обретаю покой, необходимый для понимания собственной судьбы.

Цзюнь Чи стоял в стороне, слушая эти речи. «Собрание превращается в исповедь фанатов?» — иронично подумал он.

Однако слова управляющего заставили его задуматься. Отношение остальных тоже изменилось: пренебрежение в их глазах сменилось задумчивостью. Хоть Цзюнь Чи и не искал чужого одобрения, поведение Лу его озадачило. «Зачем он выгораживает меня? Я ведь задел

его кумира, а он внезапно бросился на помощь?»»

<http://bllate.org/book/17440/1690528>